

различные определения идентичности, раскрывается смысл этого современного социального явления представителями политологии, философии, культурологии, этнологии и т. д. Понятие это, как видим, довольно неопределенное, расплывчатое, однако явно, что это понятие возникает в кризисном состоянии общества, потерявшего привычную стабильность, ведущую прежде всего к размыванию исторических и культурных ценностей. «Социокультурный кризис ломает не только господствующую в обществе структуру рациональных (или представляющихся таковыми) ценностей и норм, но и сложившуюся в нем систему традиционных символов и стереотипов. Одновременно в массовом и индивидуальном сознании активизируются архаические элементы, складывающиеся впоследствии в новые исторические и политические мифы»³.

Приобщиться к новым возможностям, которые открывает глобализация, но одновременно сохранить свои национальные особенности развития общества — эта проблема формирования идентичности встает перед многими странами современного мира, в частности перед теми, что обрели «широкую демократию» (*Massendemokratie*) в 1989—1991 гг. По мнению ученых этих стран, последние могут легитимизироваться через традицию. Зачастую исследователи обращаются к знакам власти, широкому спектру носителей и средств визуальной репрезентации государства, которые особенно наглядно подчеркивают легитимацию государственной традиции. В различных странах решение вопроса национальной идентичности при помощи визуального контекста происходит по-разному. Например, для изображения Польши «самой себя» используются банкноты, монеты, почтовые марки, памятники и репрезентативные здания. Интересно, что на польских банкнотах вместо «выдающихся поляков» — музыкантов, писателей, актеров — появляются князья, короли, правившие монархи. Таким образом, в сознании граждан закрепляется государственная традиция, прежде всего — преемственность государственности⁴.

литической практики и научного анализа: «Понятие идентичность (от лат. *identitas* 'тождественность') имеет множество разных определений, что определяется его междисциплинарностью и наличием принципиально разных концептуальных подходов». С. 85; *Федякин А. В.* О понятии «Образ государства»: «Процессы глобализации, формирование глобального информационного общества неизбежно порождают такое явление современной мировой политики и международных отношений, как утрата национальной идентичности. В структуре последней содержится набор ценностей, определяющих архетипические черты и неотъемлемые характеристики национального сообщества и выражающих культурную преемственность в его духовной истории» // *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки.* 2004. № 5. С. 74; *Национальная идентичность в русской культуре / Под ред. Саймона Франклина и Эммы Уиддис; пер. с англ. М., 2014: «На самом деле идентичность — это нечто такое, что не поддается объективному описанию. Это не предмет и не объект, а сфера культурной коммуникации, культурного дискурса. Идентичностью или идентичностями являются многообразные выражения или конструкции культуры».* С. 8.

³ *Евгеньева Т. В.* Архаическая мифология в современной политической культуре // *Полития.* 1999. № 1. С. 33.

⁴ *Osteuropa. Jg.* 2003/7. S. 910—920.

Специалисты по национальной символике в контексте изучения ее роли в сегодняшнем мире считают, что в «устоявшихся нациях», в которых имеется «доверие к своему собственному дальнейшему существованию», национальные символы выполняют функцию промоутера (в США — флаг, во Франции — гимн «Марсельеза»). А вот в новых, не укрепившихся государствах национальные символы зачастую не выполняют эту функцию.

В качестве примера называется Македония как молодая нация со слабой и плохо развитой национальной идентичностью. Когда в 1991 г. это государство стало независимым, то большинство говорящих на славянском языке жителей считали себя этническими македонцами. Однако Болгария настаивала на том, что славяноговорящие македонцы — болгары. Македонцы призвали на помощь геральдику, но при помощи герба не могли доказать собственную македонскую идентичность, ибо в XVI в. и Македония, и Болгария в западноевропейских гербовниках идентифицировались при помощи льва в короне. Македонцам пришлось вернуться к социалистическому гербу 1946 г. Речь тогда пошла о флаге, который был введен в 1992 г. В результате археологических раскопок, проведенных в Северной Греции (около Верджины), была обнаружена 16-лучевая звезда, по мнению археологов принадлежавшая Филиппу II Македонскому. находка отсылала македонскую историю ко времени, когда еще не были разведены албанцы и славяне, а знамя Македонии с этой звездой создало бы 2000-летнюю государственную традицию для Македонии. Албанцы (иллирийцы) также приветствовали этот символ в качестве традиционного знака. Однако и Греция претендовала на античную Македонию как принадлежавшую ей когда-то территорию. Возник конфликт между двумя государствами. Тогда Греция наложила эмбарго на македонские товары, идущие через Салоники. В результате молодое Македонское государство должно было уступить: в Македонии звезду сделали стилизованной 8-лучевой, отказавшись от древнего символа, и в 1995 г. утвердили новый флаг Македонии с этим символом⁵.

Это лишь два примера включения визуальных знаков государственности в контекст исследования проблемы национальной идентичности.

В решении проблемы национальной идентичности особое место отводится мифологии.

Обычно, когда речь идет о мифе, на первый план выступает архаика, т. е. миф — это прежде всего античные, библейские и другие старинные «сказки» о сотворении мира, вселенной (космогонические мифы) и человека (антропогонические мифы). «В мифологии идентичности самое далекое прошлое может восприниматься так же “актуальным”, как сегодняшняя утренняя газета», — пишет Саймон Франклин⁶. Изучению древних мифов посвящена огромная литература. Однако, несмотря на длительность изучения проблемы мифа, нет единого взгляда ученых на сущность и природу мифа, нет его единой дефиниции у философов, этногра-

5 Osteuropa. Jg. 2003/7. S. 995—1014.

6 Национальная идентичность в русской культуре. С. 24.

компонент» политической культуры). В конце концов политико-географические привязки мифологема полностью уступают место пониманию «Русской земли» как олицетворению национального достоинства. Не случайно в период Великой Отечественной войны столь часто использовалось понятие «Русская земля» в правительственных призывах защитить СССР на фоне антиславянской риторики немецких фашистов.

Аналогичной точки зрения на возникновение отечественных мифологем придерживается профессор славяноведения Кембриджского университета, специалист по истории и культуре Древней Руси Саймон Франклин. В прекрасной коллективной монографии «Национальная идентичность в русской культуре» в написанных им главах профессор Франклин показывает, как создавалась идентичность русских. Самые первые «симптомы» — это нарративы древнерусского самоопределения последовали за принятием Русью христианства в 988 г. Таковым, по мнению Франклина, является «Слово о законе и благодати» первого митрополита «из русских», духовника Ярослава Мудрого, Илариона. В этом произведении, считает английский исследователь, «русские раскопали, что они — особые, ибо, если для византийцев “история вела к триумфу Византии”, для Илариона же русы занимали собственное место “въ всехъ языцехъ”, отмеченных Благодатью, а не служили придатком империи “ромеев”, как называли себя византийцы»¹².

В Библии и Иларион, и другие древнерусские книжники нашли подтверждения своему равному византийцам достоинству, с помощью которых демонстрировали свою этническую древность. «Эти конструкции, придуманные первыми древнерусскими сочинителями мифов о себе, иллюстрируют процесс создания на пустом месте связной нарративной идентичности, когда в результате целенаправленного перемешивания существующих идей получается особый синтез», — подчеркивает С. Франклин¹³.

Далее упомянутый автор полагает, что изменения в этом нарративе об «исторической» идентичности от середины XI в. «переносятся» к концу XV — началу XVI в. из Киева в Москву: согласно созданной в это время концепции власти, Рюриковичи ведут свое происхождение от родственника римского императора Августа, что нашло отражение в новом нарративе — «Сказание о князьях владимирских»¹⁴.

В очень интересной, неординарной работе доцента кафедры отечественной истории XIX — начала XX в. исторического факультета МГУ А. А. Левандовского находит поддержку эта точка зрения английского ученого, однако мифологема, возникшая в самом начале XVI в., интерпретируется автором прежде всего как властная, утверждавшая «вековечность московской династии, возводившая ее происхождение в незапамятные для русского человека времена — в Древний

12 Франклин С., Шепард Д. Начало Руси 750—1200. СПб., 2009. С. 339.

13 Национальная идентичность в русской культуре. С. 28.

14 Там же. С. 28—29.

толог А. И. Миллер пишет, что «Георгиевская лента в дореволюционной России, восстановленная в правах как гвардейская лента во время ВОВ, была принадлежностью наград за солдатскую доблесть — Георгиевского креста и ордена Славы»²¹. Это правильно, но можно было бы расширить ее историко-военную значимость. Она связана в первую очередь со знаменитым русским военным орденом Святого Георгия — боевой, исключительно почетной для русских офицеров наградой, которая была учреждена 26 ноября 1769 г. По статусу он давался только за конкретные подвиги в военное время. Символ ордена — всадник, поражающий копьём дракона, олицетворял мужественного воина, способного отстоять свою землю от врагов. Он связывался на Руси со святым Георгием Победоносцем, образ которого помещался на первых русских монетах — сребрениках, следовательно, являлся знаком идентичности Древнерусского государства²². Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия разных степеней были награждены храбрейшие русские офицеры, генералы. Затем, когда в 1807 г. был учрежден знак отличия военного ордена Святого Георгия для награждения солдат и матросов (серебряный крест без эмали, который носили на Георгиевской черно-желтой ленте на груди), даже офицеры считали очень почетным для себя получить такой крест за исключительную личную храбрость. Многие советские военачальники, которые принимали участие еще в Первой мировой войне, были Георгиевскими кавалерами (Г. К. Жуков, Р. Я. Малиновский). В качестве наград Георгиевские ленты жаловались только императором воинским подразделениям армии и флота: они повязывались на знамена, укреплялись на матросских бескозырках. Ими гордились и те, кто их носил, и те, кто использовал как эмблему. Об истории Георгиевской ленточки можно прочитать в прекрасном труде исследователя российских наград — А. А. Кузнецова²³. Знания ее истории, восприятия как сугубо русского символа еще больше создавало бы ей притягательность не только для россиян, но и для населения других стран (что и произошло, в частности, в ДНР и ЛНР), преобразуя этот героический символ в символ «русского мира»²⁴.

Еще один «притягательный» символ последних лет — бело-сине-красный государственный флаг Российской Федерации. Два года тому назад наш прекрасный воссоединенный Крым был буквально как «многоцелебным омофором» покрыт этими флагами, символизирующими Россию и новую жизнь Крыма. Флаги, как известно, издавна воспринимались исследователями (в основном, зарубежными) в качестве символов идентичности. Например, К. Гибсон пишет: «Самыми... известными

21 Миллер А. И. Указ соч. С. 165.

22 См. об этом: *Соболева Н. А.* Образ св. Георгия в атрибутике Российского государства // Проблема святых и святости в истории России. Материалы XX Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». М., 2006. С. 183—199.

23 См. несколько написанных им разделов в книге: *Великая Россия. Символы и награды Российской державы.* М.: Олма Медиа Групп. 2015. С. 112—252.

24 Миллер А. И. Указ соч. С. 167.

по созданию авторитета власти, где он выступил «подлинным новатором и оставил после себя глубокий след», тем не менее не могли не отметить, что «... русы существенно отличались от византийцев в ощущении исторических корней, а следовательно, в культурном самосознании. В отличие от константинопольской элиты русы не возводили себя к Римской империи. Для них мир дохристианского Рима, эллинистической культуры был чужд и далек, не имел символического значения, а потому и не занимал особого места на их шкале ценностей. Их интересовала вера, а не символы и не фетиши имперской преемственности. У них хватало забот и с тем, чтобы в новой обстановке осознать и заново оценить свое языческое прошлое, а также противостоять все еще живой и враждебной языческой культуре»³⁹.

Становление проблемы идентичности политологи связывают и с другими памятниками древней русской истории. В частности, большое значение в контексте мифологемы «Русская земля» автор Н. И. Шестов придает «шлему Святого Александра Невского». Это, конечно, не символ княжеской власти, но непрменный предмет вооружения героических русских князей. Шлем обрел государственность, будучи включен в Большой и Средний гербы Российской империи, которые в середине XIX в. составлены по указанию императора в Гербовом отделении Департамента герольдии Правительствующего сената. Это очень помпезные гербы Российской империи, одобренные в 1857 г. российским императором Александром II и утвержденные Александром III: Большой государственный герб — его подлинный рисунок исполнен академиком А. Шарлеманем — 24 июля 1882 г., Средний и Малый — 23 февраля 1883 г.⁴⁰ В подробном описании Государственного герба — огромное количество деталей, но выделен «Главный щит (с гербом Государственным), увенчанный шлемом Святого Великого Князя Александра Невского». Как отмечает Шестов (согласно опубликованным ранее данным), в действительности этот шлем не имел отношения к Александру Невскому. «Его прототипом послужила изготовленная в 1621 г. мастером Никитой Давыдовым “Ерихонская шапка” — парадное наголовье царя Михаила Федоровича Романова из собрания Оружейной палаты Кремля. Тем не менее значимость легендарной связи шлема с именем Александра Невского для массового сознания была такова, что даже на советском ордene имени этого древнерусского полководца последний изображен, вопреки всем историческим реалиям, в этом шлеме»⁴¹. В подобном шлеме, как известно, изображен князь Александр Невский на известной картине П. Д. Корина. Никто не сомневается в личной принадлежности изображенного спустя тысячелетия предмета вооружения героическому Александру Невскому, а между тем княжеские шлемы в Древней Руси имели своего владельца, судя по надписи, о чем говорит, в частности, находка княжеского шлема на месте Липицкой битвы 1216 г. близ Юрьева-Польского. Кре-

³⁹ Франклин С., Шепард Д. Указ. соч. С. 380.

⁴⁰ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-3). СПб., 1886. Т. II. № 1035; Т. III. № 1402.

⁴¹ Шестов Н. И. Указ. соч. С. 224.

дарственность зафиксировалась официальной атрибутикой с изображением лика святого Георгия.

На протяжении столетий в иконописи, малой пластике, самом распространенном виде изобразительного искусства Древней Руси (ибо вещи, исполненные литьем или резьбой, принадлежали не только Церкви, но и множеству частных лиц), в многочисленных духовных стихах, поговихах и поговорках образ Георгия Победоносца занимал прочное место в сознании русских людей. Причем не только князей, но и простого народа. Он являлся покровителем многих мирских дел — хлебосяния, хлебопашества, выгона и пастбы скота и прочих сельскохозяйственных работ (ведь день его памяти приходится на 23 апреля — праздник природы и расцвета весны). Однако, как считается, более всего он почитался «за совершение самого дивного из всех чудес его» — победу над Драконом. В нем видели прежде всего защитника от зла, а с XIII в., когда зло это стало реальным для всей Руси, — защитника веры христианской. Святой Георгий Победоносец вошел в герб Российского государства и в герб столицы государства — Москвы и всегда будет неразрывен с дорогами каждому жителю России понятиями.

Мифологема «Русская земля» может иметь и многие другие изобразительные подтверждения, где накоплен, как пишут политологи, «символьный капитал Православия»⁴⁵, без которого трудно представить и этническую древность русских, и изначальную русскую государственность. В недавно опубликованной книге «Национальная идентичность в русской культуре», написанной «международной командой ученых», которую можно назвать путеводителем по русской идентичности, на примере памятников филателии (серия почтовых марок) и нумизматики (бумажных денежных знаков) очень убедительно проанализирован набор вербальных и визуальных образов средневековой России. На 5 марках (изображение святого Луки из Остромирова Евангелия XI в., Ярослава Мудрого, Сергия Радонежского, иконы «Троица») — образы и символы православных корней, уходящих в Киевскую эпоху. Такой набор марок, как полагает один из авторов, «российская почта могла бы спокойно назвать “Наследие русского христианства”»⁴⁶. Авторы считают существенным, что марки были выпущены в 1991 г., в самые последние месяцы существования СССР. Катализатором, по их мнению, стало празднование в 1988 г. крещения Руси. «Первоначально празднование предполагалось как частное событие для церкви, но в конце концов оно превратилось в крупное публичное национальное событие. На этом уровне такая серия почтовых марок была продуктом нового (с конца 1980-х годов) отношения к христианскому прошлому России»⁴⁷.

Историографически более значимым для понимания российской идентичности является властный миф времени рубежа XV—XVI вв., который возник одновременно с созданием единого Русского государства, окончательным падением

45 Кольев А. Указ соч. С. 317.

46 Национальная идентичность в русской культуре. С. 33—38.

47 Там же. С. 37.

геральдистов, отмечена роль известного украинского историка М. Грушевского в становлении сегодняшнего украинского герба⁵⁷. Представленный на первых монетах древнерусских князей в X—XI вв. трезубец был воспринят как знак идентичности: одними — как древнерусской, другими — украинской. Один из авторов уже упоминаемой книги «Национальная идентичность в русской культуре», используя набор украинских денежных купюр, выпущенных в 1991—1996 гг., при анализе и смене их образов подчеркивает, как «по мере развития “серии” язык символов делается все более направленным, приобретая все большую конкретность в раскрытии смысла “нарратива”»⁵⁸. Местный колорит новой украинской валюте придавала Лыбедь, фигура одного из украинских памятников. Автор считает, что вполне закономерно в качестве эмблемы Украины использовать женский образ так же, как пользовались в других странах фигурой Британии в качестве эмблемы Великобритании, статуей Свободы как эмблемой Нью-Йорка или США, Марианной в качестве эмблемы Франции. На следующей купюре к Лыбеди, которая придвинута к надписи «Украина», присоединяются три мужские фигуры — Кий, Щек и Хорив, легендарные основатели Киева. Это — ассоциация с древним местом и основанием Киева — свидетельствует об «историческом динамизме». На третьей купюре рядом с ладьей помещен в щите «украинский трезубец» — символ украинской государственности. Он сопровождает и фигуру Владимира Святого, крестившего Русь и заменившего на купюре Лыбедь с братьями. Однако, как считает автор, последующая денежная купюра — гривна (главная денежная единица киевского периода), выпущенная в 1996 г., несет изображение совсем другого Владимира. Это уже не Владимир, креститель Руси в мантии, с бородой и крестом в руке. Это «Володимир» с обвислыми усами украинского гетмана. Он уже не духовный лидер, а полный национального достоинства глава самостоятельного государства. Интересно и то, что на оборотной стороне купюры — гривны помещены развалины Херсонеса, древнегреческого города. «Это изображение служит не только эмблемой тысячелетий традиции украинской государственности, но и, по мысли автора, «вызывает ассоциации с “Украиной”, наследницей всех цивилизаций, следы которых находятся на украинской территории»⁵⁹.

Подобная визуальная пропаганда «украинизмов» не могла не влиять на общественное сознание, поэтому в печати появляются известия о «произрастании» трезубца с черноморского побережья, иногда в нем видят трезубец Посейдона. Появившиеся на страницах украинских книг высказывания о трезубце как этнонациональном украинском символе коренного народа базировались на заключениях «толкователей» происхождения знака из античных цивилизаций Северного Причерноморья. Один из них пишет (перевод): «Генетически украинский трезубец ведет свое начало из Греции — из страны, где в старые времена более всего было

57 Соболева Н. А. К истории украинского «тризуба» // Вопросы истории. 2015. № 11. С. 3—18.

58 Национальная идентичность в русской культуре. С. 38.

59 Там же. С. 42.

народы различали феномены, относящиеся к господству и управлению, физической силе, к плодородию и богатству. Соответственно, деятельность правителя могла выражаться в осуществлении трех функций: магико-юридической, военной, экономической. Первая функция могла разделяться на собственно магическую и юридическую (судебную). Как свидетельствуют, в частности, раннеболгарские источники, у протоболгар хан сюбиги являлся верховным правителем государства, высшим военачальником, верховным законодателем и судьей, а также главным жрецом⁸¹.

Насколько глубоко уходила мысль создателей первого русского чекана, когда вопрос встал о помещаемых на монетах знаках? Русь приняла православие из Византии, новая культура входила в жизнь государства. Что касается первых публичных знаков власти — монет, то византийские монеты служили образцом для правителей, однако не так просто было вытеснить из сознания не только простых людей, но и самого Владимира прежние верования. А. П. Новосельцев, подробно рассмотрев вопросы принятия Русью христианства и сетуя на немногочисленность и противоречивость источников, освещающих факт христианизации Руси, акцентирует внимание на трудностях, связанных с этим процессом: «Происходило это трудно и при большом сопротивлении народных масс и, очевидно, части верхов». Видя во Владимире не «скороспелого реформатора», а «осторожного политика», автор считает, что «Владимир, став христианином, сохранил многие привычки и черты князя языческой поры. Он любил дружину, устраивал для нее знаменитые пиры... Проводя нововведения в главном, в более частных вопросах оставался верен старине»⁸².

Вероятно, в этом контексте следует рассматривать и возврат при чеканке первых русских монет (начиная со второго типа сребреников) от образа Иисуса Христа к языческому знаку — трезубцу. Сакральность трезубца соответствовала и сакральности правителя Руси, что соотносится с функцией правителей на ранних этапах развития государственности. Кроме протоболгар, исследователи пишут об Олеге, выступающем «князем-жрецом, соединившим сакральную и политическую функции»⁸³, о жреческих функциях Владимира Святославича⁸⁴.

и захватнической. Третью функцию выполняет широко понимаемая идея плодородия и ее производных... сохранение мира и использование его, пропитание, добывание для всей общности при помощи занятий скотоводством и земледелием. Исследования в этом направлении дали целый ряд наблюдений, которые указывали на устойчивость идеи трехчастной структуры в социальном мышлении людей прошлого. Эта идея оставила свой след в легендах о происхождении племен, о древнейшей истории народов, об их раннем средневековье». — *Гейштор А.* Указ. соч. С. 41—42.

⁸¹ *Литаврин Г. Г.* Византийская система власти и болгарская государственность (VII—XI вв.) // Раннефеодальные государства и народности (проблемы идеологии и культуры). София, 1991. С. 23.

⁸² *Новосельцев А. П.* Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи // История СССР. 1988. № 4. С. 108.

⁸³ *Орлов Р. С.* Язычество в княжеской идеологии Руси // Обряды и верования населения древней Украины. Киев, 1990. С. 108.

⁸⁴ *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков, 1916. С. 6; *Боровский Я. Е.* Мифологический мир древних киевлян. Киев, 1982. С. 34.

ный незамутненный лик. И твердо понять, что только ей под силу вновь сделаться Третьим Римом и что четвертому Риму не бывать!»⁸⁹

Как известно, концепция «Третьего Рима» приобретает права гражданства в науке и публицистике лишь во второй половине XIX в. после публикации сочинения Филофея в журнале Казанской духовной академии⁹⁰. Этот случайный или неслучайный факт оказался очень кстати в российском обществе. Как ответ на ослабление идей абсолютистской власти под влиянием Французской революции русское правительство предприняло ряд мер идеологического характера, направленных на ее укрепление в собственном государстве, в частности с помощью монархической атрибутики⁹¹. В значительной степени этому помогли труды историков XIX в., и прежде всего труд Н. М. Карамзина, духовное воздействие которого на российское общество и на утверждение «охранительских» воззрений было велико. Его слушали, внимали его историко-патриотическим идеям при чтении «Истории государства Российского» такие же, как и он, умные, тонкие, образованные люди — С. С. Уваров, В. А. Жуковский, Д. Н. Блудов. Через несколько лет один из них станет родоначальником идеологизированной «теории официальной народности» (Православие, Самодержавие, Народность), другой создаст слова гимна, прославляющего самодержца, третий будет разрабатывать «Уложение о наказаниях». Апологетика самодержавия Карамзина, подкрепленная «научным и художественным талантом», явилась первоосновой многих последующих охранительно-патриотических концепций в русском обществе, многое из того, что «художественно» описал Карамзин, принималось за неоспоримые факты. В частности, карамзинская интерпретация версии В. Н. Татищева о происхождении русского государственного герба оказалась безоговорочно принятой русским обществом. Это объясняется не только исключительным влиянием Карамзина на читающую элиту, но и идеями, присутствующими в трудах и иных историков XIX в. и соответствующими официальной доктрине. В их числе было не только возвеличение самобытности и исконности существовавших в России государственных институтов — прежде всего самодержавия, великодержавности, но и абсолютизирование исключительного влияния Византии на русское общественное развитие, в частности на идеологию и формы русской государственности. В этой доктрине нашлось место и идее заимствования двуглавого орла из Византии. Нашлось место и всаднику, поражающему дракона, теперь уже признаваемому официально за Георгия Победоносца. В значительной степени «истолкованию» фигуры, помещаемой вместе с двуглавым орлом на печати Ивана III (на оборотной ее стороне), способствовали изыскания профессора древних языков Московского университета, известного москвоведа И. М. Снегирева. Его внимание привлек каменный барельеф Успенского собора Московского Кремля,

89 Иванов А. Б. Третий Рим. М., 1996. С. 126.

90 Синицына Н. В. Указ соч. С. 13.

91 Соболева Н. А. Концепция «Москва — Третий Рим» и официальная российская символика второй половины XVIII—XIX в. // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 195—210.

В статье предпринята попытка продемонстрировать взаимосвязь исторических мифологем, задействованных при решении проблем идентичности — нового направления в изучении социума и артефактов (визуальных образов и вещественных памятников), которые сопутствуют вербально оформленным «идеям», концепциям, доктринам. Иногда обнаружить артефакты довольно сложно; они могут отсутствовать «в наличии», иногда артефакты не соответствуют мифу и могут дать искаженный посыл в определении идентичности.

Исследователи «исторической идентичности, а также политологи, использующие в современной политической практике знаки и символы прежних эпох, должны досконально знать историю их появления и функционирования, опираясь на их научный потенциал. Только в этом случае историческая традиция достигнет своей агитационной значимости и патриотических ассоциаций.

Вместе с тем включение артефактов, символов, визуальных и вербальных знаков в политическую жизнь социума предъявляет к последним определенные требования. Большинство из них составляет предмет изучения специальных (вспомогательных) исторических дисциплин, не все имеют богатую историографическую традицию и «выходят за рамки» собственного предмета изучения (описания, составления каталогов, формальных определений), т. е. действий, которые обычно производятся с предметами этих дисциплин в музейных и архивных собраниях. Привлечение символов и знаков (гербов, монет, флагов, родословных, марок и т. д.) для подтверждения или оспаривания идентичности выводит их из узких, «самодельных» рамок, повышает их источниковедческий потенциал, включая в цивилизационный контекст развития общества.